

62218

№7958

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
КЪ ГРАФУ ЛЬВУ ТОЛСТОМУ
ФРИДРИХА ШПИЛЬГАГЕНА.

(Изъ «Neues Wiener Tageblatt» отъ 25 декабря
1895 г. № 354).

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типogr. Высочайше утвр. Товарищ. „Общественная Польза“
Большая Подъяческая, № 39.

1896.

189.
B. Bond

189. B. Bond

95 1/457

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КЪ ГРАФУ ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

ФРИДРИХА ШПИЛЬГАГЕНА.

(Изъ «Neues Wiener Tageblatt» отъ 25 декабря
1895 г. № 354).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. Высочайше утвер. Товарищ. „Общественная Польга“
Большая Подъяческая, № 39.

1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Апрѣля 1896 г.

453

Открытое письмо къ графу Льву Толстому ФРИДРИФА ШПИЛЬГАГЕНА.

Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ
миръ!

Не знаю, графъ, какъ вы думаете о подлинности этой небесной вѣсти. Въ часы вѣрованія, которые вѣдь нерѣдко посѣщаются вѣстью, неподложность ея должна казаться вамъ несомнѣнной; въ другіе, скептическіе, вы, быть можетъ, полагаете, что Лука — единственный Евангелистъ, сообщающій намъ объ этомъ чудѣ, — по-

черпнулъ его изъ невѣрнаго, апокрифическаго источника, или же, ради доброго дѣла, нѣсколько излишне ярко сгустилъ краски на своей палитрѣ.

Но какъ бы вы ни относились къ достовѣрности этой вѣсти, но и я, и вы, и всѣ добрые христіане, мы знаемъ одно: что и вы, и я, и всѣ, съ болью въ сердцѣ надѣемся и ждемъ, чтобы исполнились наконецъ молитва и пожеланія благочестивыхъ пастуховъ; съ болью въ сердцѣ мы видимъ, какъ еще далеко, далеко въ настоящее время до исполненія ихъ, когда Европа грознѣе, чѣмъ когда-либо цѣпенѣеть во всеоружіи, когда націи болѣе, чѣмъ когда-либо стонутъ подъ гнетущими ихъ тягостями вооруженія, такъ что даже очень благонамѣренные, очень гуманные генералы говорятъ въ минуты откровенности: «война есть дѣло ужасное; но лучше ужъ конецъ со всѣми его ужасами, чѣмъ этотъ безконеч-

ный мирный терроръ, растлѣвающій народы до мозга костей».

Я счелъ нужнымъ, графъ, заранѣе ярко и рѣзко указать на это наше единомысліе относительно цѣли, къ которой мы такъ стремимся и такъ искренно желаемъ, тѣмъ яснѣе и рѣзче, что въ средствахъ для достижения этой цѣли мы совершенно расходимся.

Послушать васъ, то дѣло такъ же просто, какъ ъда и питье.

«Достаточно, если каждый отдельно не будетъ идти вслѣдъ за всѣми, если онъ будетъ слѣдовать своей внутренней природѣ, т. е. если онъ будетъ добръ и справедливъ передъ своею совѣстью».

Эти многозначительныя слова высказаны вами съ большимъ спокойствиемъ въ предисловій къ книгѣ, написанной однимъ изъ вашихъ соотечественниковъ. Въ этой книгѣ разсказана необыкновенно печальная, раздирающая сердце исто-

рія, которую я, въ интересахъ нѣмецкихъ читателей, прошу позволенія изложить вкратцѣ.

Исторія эта касается бѣднаго русскаго крестьянскаго сына, Е. Н. Дрожина, который, съ дипломомъ школьнаго учителя въ карманѣ, 19-ти лѣтъ отъ роду, поселился въ деревнѣ для распространенія въ народѣ соціальныхъ и революціонныхъ идей. На 23-мъ году онъ дѣлается послѣдователемъ вашего ученія — прошу обратить вниманіе, *вашего*, графъ, — доводя его до самыхъ крайнихъ практическихъ слѣдствій: человѣколюбіе, распространяющееся даже на самыхъ заклятыхъ враговъ своихъ; безусловное отрицаніе права убивать подобныхъ себѣ; такое же безусловное отрицаніе признавать надъ собой какого-либо властителя, кромѣ Бога и сына его, Христа. Призванный отбывать воинскую повинность, онъ отказывается обучаться искусству уби-

вать людей. Его отправляютъ въ одинъ изъ самыхъ строгихъ дисциплинарныхъ батальоновъ. Здѣсь его мучать цѣлыхъ четыре года, и онъ умираетъ, вѣрный самому себѣ, прощая своимъ врагамъ.

Вы, графъ, какъ можно предположить и въ чемъ вамъ будетъ сочувствовать всякий благомыслящий человѣкъ, вы до глубины души возмущены подобною жестокостью. Высочайшимъ тономъ нравственнаго негодованія клеймите вы всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ этой убийственной «работѣ палача». «Передъ вами былъ молодой, добрый, превосходный человѣкъ, который только и желалъ оставаться добрымъ. А вы бросили этого человѣка въ темницу; вы сняли съ него платье, чтобы онъ мерзнулъ; вы мучили его, отнимали у него пищу и и питье, лишая его сна... Возможно ли это?

«Ты, великий царь, утвердившій этотъ

приказъ своею подписью, вы, министры, прокуроры, тюремные директора, стражи, вы могли садиться за столъ, въ то время, какъ тотъ несчастный томился нагой и изнеможенный до смерти, оплакивая ваше остревенѣніе! »

Вы вѣдь совершенно правы, графъ!

Но въ этомъ спискѣ не пропустили ли вы одного, который хотя прямо и не принималъ участія въ этой «работѣ палача», однако нравственно, вѣдь всякаго сомнѣнія, помогалъ ей; скажу болѣе—на голову котораго единственно падаетъ вся нравственная вина? Вслѣдствіе этого, къ рукамъ его, въ моихъ глазахъ, такъ страшно прилипли кровь и слезы несчастнаго, что никакіе духи — которыми, какъ я слышалъ, вы любите при случаѣ окроплять себя—ни вся вода вашей Волги омыть ихъ не могутъ.

И однако же этотъ одинъ, въ то время какъ совершалось это омерзительное

дѣло, подобно всѣмъ другимъ, могъ «ласкать своихъ дѣтей, могъ думать о Богѣ и о смерти, которая приведетъ его къ Божьему суду».

Вы не знаете, кого я подразумѣваю?

Ну, такъ я назову вамъ его.

Это вы, вы сами, господинъ графъ, вы этотъ человѣкъ.

Надѣюсь вамъ это доказать ясно и логично.

И если не вамъ — что было бы *contra naturam* — то всѣмъ тѣмъ, которые съ большею точностью относятся къ логикѣ, или, выражаясь дипломатичнѣе, и въ то же время, быть можетъ, справедливѣе: тѣмъ, кто болѣе васъ питаетъ уваженіе къ логикѣ фактовъ.

Этотъ недостатокъ уваженія, по крайней мѣрѣ частое невѣдѣніе и невдумчивость въ то, какъ легко мысли уживаются въ головѣ, но за то, какъ тяжко бываетъ столкновеніе ихъ съ дѣйствитель-

ностью, разъ эти мысли обращаются въ факты—это составляетъ вашу «Ахиллову пяту», какъ бы велики вы ни были, какъ поэтъ и мыслитель.

Прошу васъ этихъ послѣднихъ словъ не принимать за иронію. Если я и многое могъ бы возразить противъ вашей поэтической техники,—такъ, въ стремлении скорѣе выполнить свои, часто гигантскіе планы, вы, по моему мнѣнію, вводите въ свои поэтическія постройки слишкомъ много художественно необработанныхъ, прозаическихъ глыбъ; начиная что-либо, вы не всегда помните Горациевское *respice finem*, и еще нѣкоторые, подобные упреки, которые, возможно, основаны скорѣе на моей субъективной точкѣ зрѣнія. чѣмъ на какой-либо эстетической теоріи, — но вы такъ глубоко заглядываете въ человѣческое сердце и прежде всего въ сердце своего народа; фантазія ваша такъ крылата и въ то

же время такъ могуча; вашъ даръ изобразительности такъ гибокъ и въ то же время такъ силенъ, что тотъ глухъ и слѣпъ, кто вздумалъ бы отрицать вашу славу великаго и оригинальнаго поэта. Вы также замѣчательный мыслитель, проникающій въ самую глубь вещей, туда, куда не проникаютъ болѣе мелкія души или же, случайно столкнувшись съ ними, содрогаются отъ страха. Вы же этого страха не знаете, голова ваша не кружится у края пропасти. При этомъ вы обладаете взглядомъ вширь и вдаль, обнимаете громадныя перспективы, иной разъ столь блестящія, что непривычный глазъ бываетъ ими ослѣпленъ, другой разъ такія мрачныя, что робкія души мнятъ о наступлениі страшнаго суда.

Но вы не только великій поэтъ и мыслитель, вы также то, чѣмъ французы называютъ *grand seigneur*.

Я говорю «но», ибо здѣсь именно я

касаюсь той точки, которую я позволилъ себѣ назвать вашей «Ахилловой пятой».

Вы можете потребовать отъ меня болѣе точнаго объясненія. Вотъ мое мнѣніе.

Не то, что вы щедро одарены земными благами. Есть много людей, которые столь же и даже болѣе богаты, чѣмъ вы, хотя на чашку вѣсовъ не можетъ не имѣть вліянія это обстоятельство, если при этомъ человѣкъ еще и писатель.

Въ этомъ случаѣ ни при выборѣ, ни при обработкѣ сюжета, материальное вознагражденіе не играетъ никакой вліятельной и даже решающей роли, съ чѣмъ часто, скрѣпя сердце, долженъ сообразоваться бѣдный литераторъ. Богатый писатель болѣе свободенъ духомъ, у него много часовъ досуга, между тѣмъ какъ у стѣсненнаго средствами собрата его немало такихъ, когда ему приходится творить—*invita Minerva*. Богатый можетъ, такъ сказать, прямо стремиться къ славѣ, кото-

рую Шиллеръ называетъ величайшимъ изъ земныхъ благъ, лишь бы эта слава не ослѣпляла его и стремленіе къ ней не разросталось бы до безпредѣльности, чтобы изъ-за нея не былъ утраченъ священный трепетъ передъ мѣрою, присущею всѣмъ вещамъ, и не принудило бы его къ «sacrifizio dell'intellecto, чѣмъ часто приужденъ бываетъ откупаться бѣднякъ передъ страшнымъ призракомъ материальной нужды.

Такимъ образомъ положеніе ваше,— предполагая, что вы умѣете имъ настоящимъ образомъ, пользоваться — скорѣе, дѣйствуетъ во всемъ благопріятно, чѣмъ вредно на вашу литературную дѣятельность, если бы къ нему не присоединялось нѣчто, чтѣ находится съ нимъ болѣе чѣмъ во внѣшней связи и чтѣ влечетъ за собою тяжелую опасность.

Я разумѣю здѣсь то, чтѣ рядомъ съ вашимъ привилегированнымъ обществен-

нымъ положеніемъ дѣлаетъ изъ васъ *grand seigneur'a*, какъ я назвалъ выше, и притомъ такого, выше котораго не найдется между знатнѣйшими и богатѣйшими магнатами въ неизмѣримомъ Россійскомъ царствѣ.

Въ этомъ вы походите на стараго рейхсканцлера въ Фридрихсруэ, который, въ моихъ глазахъ, есть, послѣ императора, величайшій человѣкъ во всѣхъ германскихъ земляхъ.

Ибо вы, какъ и онъ, совершенно другими средствами и другими путями, — о чёмъ здѣсь безполезно говорить, — достигли такой вершины славы, что можете на ней съ такою же увѣренностью царствовать, какъ и любой монархъ на *rocher de bronze* своей легитимности и откуда — такъ же, какъ и старикъ въ Саксонскомъ лѣсу — высказывать всякую свою мысль съ такою свободою, какая воспрещена обыкновеннымъ смертнымъ. Да даже въ этомъ отношеніи вы пользуетесь болѣшею сво-

бодою, чѣмъ бывшій желѣзный канцлеръ. Никто, даже самый высокопоставленный въ Германіи, ни при какихъ обстоятельствахъ, не осмѣлился бы сказать того, чтѣ вами высказано въ вышеприведенныхъ словахъ; и если вы могли въ Россіи безнаказанно, какъ кажется, это говорить и печатать, то этого иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ вполнѣ исключительнымъ положенiemъ, которымъ вы пользуетесь.

Само по себѣ это—прекрасная вещь. Благодаря этому, мы можемъ изъ устъ вашихъ слышать слова, при которыхъ наше лояльное сердце содрогается отъ ужаса, наше нелояльное сердце трепещетъ отъ восторга.

Но у медали другая, обратная сторона не столь радостна.

Въ предисловіи къ книгѣ о Дрожинѣ вы, между прочимъ, говорите: «Одно неразумно брошенное слово можетъ для самаго лучшаго человѣка послужить ис-

точникомъ жесточайшихъ страданій. Поэтому нужно быть очень и очень осторожнымъ въ выборѣ своихъ словъ».

Графъ! графъ! Кому при этомъ не придутъ въ голову слова Мефистофеля: «Насмѣхается самъ надъ собою и не вѣдаетъ того!»

Но для насмѣшки дѣло это страшно серьезно.

Мнѣ поэтому, къ сожалѣнію, не остается ничего иного, какъ обвинить васъ въ ужаснѣйшемъ неразуміи и неосторожности, разъ вы съ вашей, недоступной для уголовнаго суда высоты, возвѣстили міру слова, которыя стали для бѣднаго Дрожина «источникомъ жесточайшихъ страданій».

Но, можетъ быть, вы станете отрицать, что онъ былъ вашимъ ученикомъ? Что, только благодаря вашему ученію объ обязанностяхъ истиннаго христіанина, онъ воспламенился до упорнаго сопротивленія государственной власти? Что только опи-

ряясь на вашъ авторитетъ, онъ не захотѣлъ идти за другими, слѣдовалъ своей внутренней природѣ, пожелалъ оставаться добрымъ и справедливымъ передъ Богомъ и своею совѣстью? Ичто, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ навлекъ на себя жестокости, неизбѣжныя по самому положенію дѣлъ, въ особенности при русскихъ порядкахъ?

Но вы этого даже и не отрицаете; вы, напротивъ, хвалитесь этимъ. Вы съ высоты величія браните друга Дрожина, который, — хотя самъ революціонеръ, — со всѣтовалъ несчастному уступить, принести присягу, исполнить воинскую повинность. Вы не берете назадъ ни одного изъ своихъ словъ, напротивъ, у васъ ихъ полонъ ротъ; вы продолжаете подстрекать, несмотря на то, что для васъ должно быть ясно, что этимъ вы только увеличиваете число жертвъ, устанавливаете свой путь крестами, воздвигнутыми на могилахъ не-

счастныхъ, ради васъ замученныхъ до смерти!

Ради васъ! Я не отказываюсь и не ослабляю этого тяжкаго обвиненія. Ради васъ, не понявшаго изреченія того, чью геніальность я, съ вашего позволенія, считаю еще выше вашей, именно Гёте-сказавшаго, что «человѣхъ не долженъ прыгать за своими идеалами».

Такъ, напримѣръ, чтобы удержать отъ гибели желѣзно-дорожный поѣздъ, не слѣдуетъ бросаться передъ нимъ и быть имъ раздавленнымъ; чтобы сдѣлаться ученымъ — переутомлять свой мозгъ до сумасшествія; чтобы достигнуть высшей славы поэта и мыслителя, — упиваться парадоксами и не останавливаться ни передъ какими нелѣпыми утвержденіями; чтобы доставить на землѣ торжество идеи мира, — приводить въ борьбу съ крѣпко установленными государственными формами безпомощныхъ индивидуумовъ, борьбу, ко-

торая неминуемо ведетъ къ трагической гибели послѣднихъ. Ибо такимъ способомъ вы не остановите желѣзнодорожнаго поѣзда, не достигнете учености, славы поэта и мыслителя, не осуществите идея мира.

Какъ же быть спросите вы.

Можетъ быть, вы даже и не спросите. Въ данномъ случаѣ, т. е. по поводу всеобщаго мира, вы сами отлично знаете, когда въ вышесказанномъ предисловіи, среди диѳирамбовъ о мученической смерти Дрожина, вы восклицаете: «Но чѣмъ значать всѣ эти единичные случаи сравнительно съ просвѣтлѣніемъ человѣческаго духа, которое ежедневно движается впередъ по, новому пути; по пути, ведущему человѣчество къ освобожденію отъ зла; по пути, съ котораго никакая сила въ мірѣ его совратить не можетъ».

Въ этомъ вы убѣждены; убѣждены, говоря словами Леопольда Шефера, «что лишь скрытная сила страшна» — сила сти-

хійная, исходящая изъ нѣдръ природы или человѣчества — которое есть вѣдь часть природы — и устраниющая всякое сопротивленіе, какъ бы сильно оно ни было; убѣждены въ томъ, къ чему неоднократно возвращается Леопольдъ Ранке: что «въ исторіи развитія человѣчества нужно принимать въ разсчетъ только могучія идеи» и все-таки, все таки...

Видите ли, графъ, наши соціалъ-демократы въ этомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе и мудрѣе васъ. Будьте увѣрены, что они питають не меньшее отвращеніе къ принудительной военной службѣ, проповѣдуютъ съ неменьшимъ убѣжденіемъ всеобщій миръ. Но они знаютъ, что играть роль побѣжденной жертвы можетъ нравиться только упрямымъ Катонамъ, что бесплодныя революціи занимаютъ въ исторіи безславныя страницы. Вотъ почему они старательно избѣгаютъ становиться мишенью для малоокалиберныхъ магази-

нокъ и нарѣзныхъ орудій и хотя сердце ихъ обливается кровью, но они позволяютъ своей молодежи приносить присягу знамени и обучаться искусству «убивать людей», въ твердой увѣренности, что постепенное «просвѣтленіе человѣческаго духа» основательно устроитъ всѣ ихъ дѣла.

Сами же вы говорите: «Теперь уже тысячи, десятки тысячъ Дрожиныхъ. Число ихъ растетъ съ каждымъ годомъ».

Ради Бога, графъ, предоставьте же имъ рости! Рости, пока изъ десяти тысячъ образуются сотни тысячъ, изъ сотенъ тысячъ столько же миллионовъ. Тогда еще будетъ время, или, лучше сказать, тогда именно настанетъ время обратиться къ логикѣ фактовъ и узнать, не произнесетъ ли она своего рѣшающаго слова.

Однако, восклицаете вы въ негодованіи, если теперь насчитываютъ десятки

тысячъ Дрожиныхъ, но это только потому, что нашелся одинъ, подавшій имъ высокій примѣръ; подобно тому, какъ мученическая смерть Христа.

Прошу васть, графъ не будемъ здѣсь касаться Спасителя, тѣмъ болѣе, что, судя по многимъ мѣстамъ вашихъ писаній, я не увѣренъ, молитесь ли вы Ему, какъ Сыну Божію, или же смотрите на Него, какъ на сына человѣческаго, въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ слова. Несомнѣнно то, что Онъ самъ умеръ на Крестѣ. Но я никогда не слыхалъ и нигдѣ не читалъ, чтобы Онъ, для испытанія своего ученія, пред послалъ бы кого-нибудь другаго на Голгоѳу.

Къ счастью, въ настоящее время идея для своего распространенія обладаетъ другими болѣе дѣйствительными средствами, чѣмъ въ то время. У насъ есть пресса съ своими газетами, журналами, брошюрами, книгами; у насъ есть народ-

ныя собранія, парламенты, театры. Наконецъ у нась есть всякаго рода союзы, общества, а для цѣли, о которой здѣсь идетъ рѣчъ,—общества мира.

Вы ничего не ждете отъ нихъ? Вы не вѣрите въ дѣйствительность ихъ?

Это взглядъ, который многіе раздѣляютъ съ вами. Очень можетъ быть, что рядомъ съ приносимой ими пользой они приносятъ и немалый вредъ. Но здѣсь не мѣсто для обсужденія pro и contra.

Здѣсь все сводится къ одному вопросу: нужна ли была для дѣла мира смерть Дрожина?

По мѣрѣ знанія и совѣсти отвѣщаю: Нѣтъ! и еще разъ: Нѣтъ!

Даже при русскихъ порядкахъ смерть его была безполезною жестокостью, нравственная отвѣтственность которой падаетъ на васъ.

Вотъ на что я хотѣлъ указать въ этомъ письмѣ, которое оставляю откры-

тымъ, дабы и другие могли провѣрить,
насколько вѣски мои доводы.

Вашего, согласія, графъ, я не жду.
Вы знаете вѣдь: *ultra posse*.

Да къ тому же, въ этомъ случаѣ это
было бы дѣйствительно *contra naturam*,
какъ я уже сказалъ выше.

А затѣмъ, графъ, помогай вамъ Богъ!

